

А. В. Подосинов

МЕСТО ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В ЦИКЛЕ ГУМАНИТАРНОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

В европейской образовательной традиции классическая гимназия, в которой изучают древние языки, до сих пор остается кузницей политической элиты, прививая вкус к научной и творческой работе, формируя широкую интеллигентскую прослойку общества и обеспечивая его устойчивость. В русскую школу латынь вернулась и заняла свои позиции. Задачу преподавания латыни в средней школе следует рассматривать в качестве инструментария, необходимого для достижения не только языковой, но и экстралингвистической цели, которая заключается в приобщении учащегося к ценностям европейской культуры вообще и прежде всего к достижениям античной цивилизации как основе последующего развития человечества.

Более пятнадцати лет назад, в 1989 году, в российскую школу была допущена латынь как дополнительный компонент лицейского или гимназического образования. С тех пор она победоносно шествует по всей России, став по праву одним из основных предметов гуманитарного школьного образования. Латинский язык преподается сейчас более чем в 30 школах Москвы, во многих лицеях и гимназиях Петербурга, Петрозаводска, Владимира, Казани, Самары, Саратова и других российских городов. Правда, официальной статистики на этот счет не существует, и какой бы перечень населенных пунктов, куда уже проникла латынь, я ни предложил вниманию читателей, он будет отражать лишь добытые мною в непосредственных контактах с коллегами-латинистами сведения. В Москве и Санкт-Петербурге существуют классические гимназии, в которых преподавание классических языков положено в основу гуманитарного образования, как это было до революции в России и остается в наши дни в гимназическом образовании западно-европейских стран. За последние годы многое сделано для успешного преподавания латыни: написано несколько учебников латинского языка специально для школ, переведены некоторые зарубежные пособия, разработаны программы, изданы словари, хрестоматии, методические пособия. В Москве в апреле 2005 года была проведена ставшая ежегодной и традиционной VIII Московская городская олимпиада по латинскому языку и античной культуре, собравшая около 200 юных

латинистов из полутора десятка школ Москвы, а также гостей из Санкт-Петербурга и Петрозаводска.¹

Разговор о латинском языке в современной школе можно вести на нескольких уровнях. Уровень первый предполагает глобальное непонимание: зачем в начале XXI века извлекать из бабушкиных допотопных комодов эту «вышедшую из моды» еще во времена Пушкина дисциплину и вводить ее снова в школы? Ведя разговор **на этом уровне**, я должен был бы посвятить настоящую статью апологии латыни и классического образования в целом как основы современного гуманитарного образования и воспитания. Такой памфлет-апологию представляет собой моя брошюра «Латинский язык в школе. История, задачи и методика преподавания», но хочется верить, что в данном случае мне не придется ее цитировать. Впрочем, совсем недавно в Московском институте открытого образования я встретил одного известного математика, который выразил крайнее удивление тем обстоятельством, что в упоминавшейся выше олимпиаде приняли участие 16 школ Москвы и других городов России. Зачем и кому нужно учить мертвый язык? Почтенный математик не мог этого понять. Он был готов признать полезность латыни разве что для будущих медиков или биологов...

Следовательно, вопрос все же сохраняет актуальность. В таком случае прибегу лишь к одному аргументу в защиту школьной латыни, безотказному с точки зрения многих «прогрессивных» ревнителей просвещения, – к ссылке на западноевропейский опыт.

Никто не будет отрицать, что по степени продвинутости естественно-научных и технических дисциплин западноевропейская школа одна из лучших в мире. И при этом вот какой парадокс – гуманистическая или классическая гимназия, отличающаяся от естественно-научной и новоязыковой гимназии только углубленным изучением древних языков (преимущественно латинского), до сих пор остается у них кузницей политической, научной и творческой элиты, давая разностороннее образование, прививая вкус к научной и творческой работе, формируя широкую интеллигентскую прослойку общества. Там понимают, что классическое образование питает человека возможностью осознавать себя частью общеевропейской (а сюда включается и русская) культуры и тем самым культуры мировой, которая в немалой мере пронизана европейским духом. И не тем ли, что сама европейская культура вышла из античной, объясняется, скажем, тот факт, что в маленькой Голландии, где населения всего в полтора раза больше, чем в Москве, в трех с половиной тысячах школ преподается латынь? А ведь Голландия – это не Италия, где стремление изучать язык, звучавший в ее древней истории, едва ли нуждается в каких-то оправданиях, и даже не Франция или Испания, языки которых выросли когда-то из латыни.

Латынь и гимназия, таким образом, есть нечто неразделимое. Как написали однажды в «МК», «гимназия без латыни – что девица

¹ <http://librarius.narod.ru/170405.htm>

без стыда». Жаль, что этого до сих пор не понимает начальство в Министерстве образования. Достаточно либерально (слава богу!) взирая на попытки директоров школ, учителей и родителей учеников ввести в школьную программу всех гуманитарных гимназий латинский язык, оно не делает ровным счетом ничего, чтобы узаконить, упорядочить и легализовать этот предмет. И остается лишь радоваться, что пока не запрещают...

Мне представляется все же, что, поскольку латынь в школе – это уже реальность российского образования, пора от абстрактной апологетики классического образования переходить к **следующему уровню** осмысления проблемы, а именно к конкретным вопросам содержания и наполнения предметов классического гуманитарного цикла, к которым относится и латинский язык.

Какие же задачи мы должны ставить перед собой, обучая школьников этому языку? Чего мы вправе ждать от данного предмета? Как вписывается он в созвездие других дисциплин гуманитарного цикла?

Обычно курс латинского языка длится от трех до пяти лет. Таким образом, это единственный предмет антиковедческого цикла, который изучается не как краткая часть более длительного курса (например, история Древнего мира как небольшая часть, отрезок всеобщей истории; так же обстоит и с историей литературы или искусства), а самостоятельная, длящаяся дисциплина, открывающая возможность постепенного и постоянного вживания в ее содержание [1]. В этом – одна из привлекательных черт школьной латыни и ее преимущество перед смежными антиковедческими курсами.

Естественно, что, изучая этот древний язык, учащиеся в первую очередь занимаются **лингвистикой**, т.е. овладевают его лексическими, грамматическими и стилистическими особенностями. При этом важно, что обозримая и довольно легко выучиваемая языковая система латыни дает наглядное и компактное представление об организации языка вообще и позволяет в дальнейшем сознательно, а не вслепую подходить к изучению любого другого языка мира. В силу общего индоевропейского происхождения народов, населяющих Европу, латинский язык проявляет на глубинно теоретическом уровне многие закономерности ее современных языков, в том числе и русского. Мне известны случаи, когда один преподаватель ведет занятия и русского языка, и латинского, и этим достигается замечательный эффект.

Но всем сказанная задача преподавания латыни в средней школе не должна ограничиваться, более того, латынь, на мой взгляд, следует рассматривать в качестве инструментария, необходимого для достижения другой, **экстралингвистической**, более широкой и значимой цели, которая заключается в приобщении учащегося к ценностям европейской культуры вообще и прежде всего к достижениям античной цивилизации как основе последующего развития человечества.

Изучая латынь, читая латинских авторов, учащийся погружается в толщу истории, литературы, религии, политики, искусства, быта

древней Греции и Рима, ведет непрестанный диалог с культурой, на которой зиждется наша цивилизация [2]. В этом изучение латинского языка сходно с изучением новых языков, где страноведческий элемент также является обязательным компонентом преподавания. Вот почему наш с Н. И. Щавелевой учебник латинского языка для средней школы мы назвали «LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную культуру». Это название отражает наш принципиальный подход к изучению древних языков в гимназии общегуманитарного типа.

Касаясь проблемы интеграции языка и культуры, известный петербургский антиковед проф. А. И. Зайцев справедливо и остроумно писал: «Каждое занятие древним языком должно быть в то же время уроком мышления и служить проникновению в духовную жизнь Древнего мира в связи с нашими вечными проблемами. Если у учителя, который читает в классе Цезаря, ученики не начинают задумываться, во всем ли Цезарь следует правде, если чтение «Антигоны» Софокла не вызывает настойчивого размышления о том, должна ли была Антигона похоронить тело брата, это означает, что в преподавании что-то неблагополучно»².

Если верен известный принцип языковой относительности Сепира-Уорфа, гласящий, что каждый человек видит мир так, как ему предлагает его язык, нам остается лишь признать, что культура древнего Рима, ее глубинная суть изначально заложены в латыни и имманентно присутствуют в ней. Вспомним, как радовался Мандельштам латинскому причастию будущего времени, которое отсутствует в русском языке и в котором, на его взгляд, сосредоточилась вся суть римского, как мы сегодня сказали бы, менталитета.

На уроках латыни античная история и культура постигаются на всех уровнях изучения языка.

Это происходит уже на **лексическом** уровне. В самом деле, сами слова, их этимология, их образование дают много материала для размышлений. Так, происхождение слова PECUNIA («деньги») от слова PECUS («скот») позволяет сделать определенные выводы о характере раннеантичных товарно-денежных отношений. Слова KOSMOS и MUNDUS с их первичными значениями «ряд, порядок, упорядоченность, наряд, украшение» дают представление о том, что думали греки и римляне о становлении космоса, объясняют, почему современные слова «космический» («упорядоченный») и «косметический» («нарядный»), столь разошедшиеся в значениях, все же восходят к одному понятию («**ряд, порядок**»). Образование слова NEGOTIUM («занятие, дело, предприятие») из слова OTIUM («отдых»), прямо противоположное русской модели («дело» > «без-делье»), свидетельствует о характерном для античности понятии OTIUM'а как творческого досуга, далекого от хлопот и суеты «делового человека» и наполненного гуманитарными занятиями.

² Зайцев А. И. В поисках возрождения // Греко-латинский кабинет. Вып. 1. М. 1992. С.7.

Второй уровень – **терминологический**. В процессе чтения учащиеся знакомятся с терминами, отражающими разные сферы античной жизни. Это термины социально-политического характера (например: CIVITAS, RES PUBLICA, SENATUS POPULUSQUE ROMANUS, IMPERATOR, CONSUL, PRINCEPS, SENATUSCONSULTUM, PATRONUS, CLIENS, TRIUMPHUS и др.), юридического (JUS, LEGISLATIO, ADVOCATUS, CAUSA, JUDICIUM и др.), религиозного (DEUS, AUGUR, AUSPICIA, TEMPLUM, ARA, PONTIFEX, VESTALIS и др.), искусствоведческого (ARS, PICTOR, COLUMNNA, PORTICUS, ARCUS, STATUA, SIMULACRUM и др.), литературного (POEMA, VERSUS, STYLUS и др.), бытового (TOGA, TUNICA, SCHOLA, FAMILIA, MATRONA, MATRIMONIUM и др.), естественно-научного (CELLA, SOLUTIO, NUCLEUM, FERRUM, REACTIO, TURBULENTUS, CALCULATIO, FACTUS, EFFECTUS, QUANTUS и др.). С помощью этих терминов, схваченных и прочувствованных изнутри, античность становится ближе и понятнее. Я уже не говорю о большом значении этой терминологии для последующих веков европейской культуры вплоть до наших дней. Своевременно усвоенная, она обеспечивает безболезненное вхождение в терминологию любой науки, способствует более полному и точному пониманию смысла научных, философских, юридических и т. п. терминов, наполняющих иностранную и отечественную литературу.

Следующий уровень – это выучивание наизусть **афоризмов** и **крылатых слов**, которое так нравится школьникам. Афоризмы также содержат огромный познавательный культурологический материал. Спрессованная мудрость народа – пословицы и поговорки – многое говорят о его душе, системе ценностей, взглядах на природу и жизнь. Кроме того, за многими афоризмами стоят конкретные исторические ситуации, раскрывая которые преподаватель опять-таки вторгается в историю культуры. Приведу несколько простейших примеров. Выражение TABULA RASA («выскобленная доска», «чистый лист») наверняка вдохновляет учителя на рассказ о способе писания на воощенных табличках с помощью стилоса; DEUS EX MACHINA («Бог из машины») – о греческом театре, его устройстве и драматургических принципах; DIVIDE ET IMPERA («разделяй и властвуй») – об имперской политике Рима по отношению к зависимым от него государствам; VENI, VIDI, VICI («пришел, увидел, победил») – об известном эпизоде борьбы Цезаря с понтийским царем Фарнаком и о литературном стиле Цезаря-писателя; AUREA MEDIOCRITAS («золотая середина») – о взглядах Горация на социальную и частную жизнь; SCIO ME NIHIL SCIRE («я знаю, что ничего не знаю») – об основах философии Сократа; IN HOC SIGNO VINCES («сим победиши») – о Константиновом признании христианства и судьбах ранних христиан.

Той же задаче – интеграции языка и истории культуры – должен служить сам подбор латинских учебных текстов, на которых отрабатывается грамматика. В нашем учебнике мы старались с самого начала сделать их связными, с максимальной культурологической нагрузкой. Эти тексты рассказывают об античной мифологии,

исторических событиях, известных лицах, многие из них посвящены структуре армии, а также философии, литературе, театру, живописи, архитектуре Греции и Рима, устройству жилищ и т. д.

Уже на раннем этапе мы вводим в уроки оригинальные тексты римских авторов – политиков, историков, ораторов, поэтов. Эти тексты, созданные непосредственными свидетелями эпохи, не нуждаются в комментариях с точки зрения их пользы для изучения античной истории и культуры. Наш курс латинского языка завершает двухтомная «Хрестоматия латинских текстов», первый том которой целиком отдан античным латиноязычным авторам. Это и поэты, и драматурги, и историки, и политики, и географы, и ораторы, и юристы, и грамматик, и медики, и даже Апиций, автор кулинарных рецептов. Таким образом, знакомство с античностью при достаточном количестве времени оказывается весьма близким и подробным.

И, наконец, последнее, что превращает уроки латыни в уроки антиковедения, – это рассказы на русском языке, составляющие приложения почти к каждому из 80 уроков нашего пособия. В них повествуется, в доступной для школьников форме, о различных сторонах античной культуры, что, по сути, является введением в индоевропеистику, в античную мифологию, археологию, эпиграфику, философию, искусство и литературу. Эти рассказы полны сообщений о системе римских государственных должностей, школьном и библиотечном деле, древних календарных системах, устройстве войска, структуре античного дома, системах измерения длины, веса, времени суток. В них приводятся исторические и географические выкладки античных ученых о скифах и других народах, населявших Северное Причерноморье, помещены биографические зарисовки отдельных выдающихся деятелей политики, литературы и искусства. Учитывая, что школьники уже проходили регулярный курс античной истории, в наших рассказах мы сфокусировали внимание на истории культуры, которой школа почти не занимается, и при этом стремились дать как можно более живое представление о сюжетах, ученикам в целом известных.

Но изучение латыни не должно ограничиваться лишь античностью. Как известно, и после падения Римской империи латинский язык еще на протяжении более тысячи лет оставался языком политики, религии, науки, культуры и образования многих народов Западной и Центральной Европы. Вот почему второй том нашей «Хрестоматии» отдан целиком библейской, средневековой, возрожденческой латыни и новолатинским текстам. Таким образом, проводится прямая связь от античности до наших дней, и значение латыни в этой непрерывной исторической цепочке как инструмента культуры оказывается неизмеримо больше, чем любого другого европейского языка. В этом – культурологический смысл преподавания латинского языка.

Мы рассматриваем античную культуру как единое целое, в котором Рим выступает одним из этапов развития античной цивилизации, важной ступенью в ее непрерывной эволюции, базисом для рецепции ее ценностей в последующих веках, в европейской и общемировой культуре.

В начале прошлого столетия великий антиковед и публицист Ф. Ф. Зелинский ратовал за то, чтобы изучение древних языков в средней школе начиналось как можно раньше, чтобы в старших классах обращали внимание не столько на грамматические формы, сколько на содержание текстов, чтобы была возможность, читая оригинальные тексты, сосредоточиться на истории и культуре³.

К сожалению, в настоящее время латынь изучается почти исключительно в старших классах, так что о «чтении без грамматики» в наших школах говорить практически не приходится [3]. Да и прохождение курса истории Древнего мира, как правило, заканчивается в 6-м классе. Своеобразная состыковка и перекличка уроков латыни и уроков истории, литературы, искусства происходит лишь в тех школах, где в старших классах заново, и уже на более высоком уровне, возвращаются к истории античной и средневековой Европы, – например, в 57-й московской государственной школе и в «Лиге Школ» (1199-я школа), где я имею счастье преподавать латинский язык. Естественно возникающий тут вопрос о синхронизации остается для большинства школ большим и трудно разрешимым. Надеюсь, со временем, когда накопится достаточный опыт синхронизации новых курсов со старыми – а такой опыт уже есть, – можно будет приступить к усовершенствованию школьных программ с целью большей интеграции различных предметов гуманитарного цикла.

В связи с различной спецификой двух упомянутых выше школ (в «Лиге Школ» принципиально не проводится разделение в старших классах на естественников и гуманитариев, а в 57-й школе есть отдельные математические и гуманитарные классы) хотел бы коснуться еще одного вопроса, а именно – «латынь и математика». К моему удивлению и радости, талантливые ребята, уже осознавшие себя как будущие «математики» (в широком смысле этого слова), часто занимаются латинским языком с большим энтузиазмом и лучшими результатами, чем те, кто считает себя сугубыми гуманитариями. Кроется ли причина этого в том, что математическая точность и геометрическая симметрия грамматической системы латыни близки по духу будущим студентам мехмата, или дело тут в большей интеллектуальной продвинутости «математиков», или же им, по контрасту с их «черствыми» дисциплинами, просто нравится заниматься духовными, так сказать, делами, – решить трудно. Но, очевидно, не случайно еще Вернер Гейзенберг, нобелевский лауреат в области физики, признавался, что он предпочитает набирать себе студентов, которые изучали в школе древние языки. Думается, школьные занятия латынью могут и для будущих «математиков» оказаться небесполезным делом. Тем более что она уже давно признана отличным тренажером для развития интеллектуальных способностей в целом.

³ Зелинский Ф. Ф. Древний мир и мы. СПб. 1903. С. 57–58.

Литература

1. Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек и М. Л. Гаспарова. М., 1970.
2. Щерба Л. В. К вопросу о распространении в СССР знания иностранных языков и о состоянии филологического образования // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958.
3. Кацман Н. Л. Гимназии, лицеи и латинский язык // Иностранные языки в школе. 1992. № 3–4. С. 20–25.